

Цецен Балакаев

ИСПОВЕДЬ
ОТЦА ИАКИНФА

Исторические повести

18+

Цецен Балакаев

Исповедь отца Иакинфа.

Исторические повести

<https://litres.ru/74009251>

SelfPub; 2026

Аннотация

Книга эта – это наша история, облечённая в форму занимательного повествования. От первой строки до последней, она основана на подлинных документах, письмах, дневниковых записях и свидетельствах современников, тщательно собранных и сопоставленных.

Отец Иакинф (в миру Никита Яковлевич Бичурин) – фигура для русской истории столь же важная, сколь и, увы, ныне полузабытая. А между тем это был человек, коего по праву можно назвать первым русским китаеведом, отцом той науки, что ныне именуется синологией. Четырнадцать лет, с 1808 по 1821 год, провёл он в Пекине, возглавляя девятую Российскую духовную миссию. И эти четырнадцать лет стали для него – а впоследствии и для всего нашего отечественного просвещения – годами титанического труда, научных открытий и, не побоюсь сего слова, духовного подвига.

«Живу я здесь единственно для Отечества» - Отец Иакинф (Н.Я. Бичурин, 29 августа [9 сентября] 1777, село Акулево,

Цивильский уезд, Казанская губерния – 11 [23] мая 1853, Санкт-Петербург).

Цецен Балакаев

Исповедь отца Иакинфа.

Исторические повести

Цецен Балакаев

ИСПОВЕДЬ ОТЦА ИАКИНФА

Исторические повести

Предисловие

Любезный читатель!

Книга, которую ты держишь ныне в руках, это наша история, облечённая в форму занимательного повествования. От первой строки до последней, она основана на подлинных документах, письмах, дневниковых записях и свидетельствах современников, тщательно собранных и сопоставленных.

Отец Иакинф (в миру Никита Яковлевич Бичурин) – фигура для русской истории столь же важная, сколь и, увы, ныне полузабытая. А между тем это был человек, коего по праву можно назвать первым русским китаеведом, отцом той науки, что ныне именуется синологией. Четырнадцать лет, с 1808 по 1821 год, провёл он в Пекине, возглавляя девятую Российскую духовную миссию. И эти четырнадцать лет стали для него – а впоследствии и для всего нашего отечествен-

ного просвещения – годами титанического труда, научных открытий и, не побоюсь сего слова, духовного подвига.

Казалось бы, что ожидало архимандрита в далёкой и чуждой стране? По логике вещей – окормление немногочисленных русских, коими были в основном потомки албазинских казаков, да поддержание дипломатических сношений с китайским правительством. Именно так понимали свою задачу предшественники отца Иакинфа. Но он, вопреки всем инструкциям и ожиданиям, сделал нечто большее. Он не просто прибыл в Пекин – он погрузился в него. Выучил в совершенстве китайский и маньчжурский языки, изучил конфуцианскую классику, буддийские сутры и даосские трактаты, собрал уникальную библиотеку (более четырёхсот пудов книг, вывезенных им впоследствии в Россию!), перевёл на русский язык десятки китайских исторических, географических и философских трудов.

Но не одним учением и переводами жил он. Отец Иакинф был человеком удивительной душевной щедрости. Китайцы, обитавшие окрест миссии, знали его как доброго врача и справедливого советчика. Он заступался за бедных перед судьями, лечил больных травами – и китайскими, и русскими, – и никому не отказывал в помощи. А когда в его судьбе произошла личная трагедия, о коей в этой книге сказано, но не всё, ибо не всё человеческое достойно печати, он не озлобился, не замкнулся, а с ещё большим усердием обратился к трудам.

Жизнь его, как то часто бывает с людьми неординарными, сложилась трагически. По возвращении в Россию, вместо заслуженной славы и почестей, его ждали доносы, суд Святейшего Синода, ссылка на Валаам, лишение сана архимандрита. И лишь благодаря заступничеству учёных мужей и личному вмешательству государя Николая Павловича он был возвращён к научной работе. Пять лет на Валааме стали для него годами затворничества, но не бездействия: он продолжал работать по памяти, восстанавливая утраченные переводы и составляя словари.

Впоследствии труды отца Иакинфа были оценены по достоинству. Четыре Демидовские премии, членство в Академии наук, звание члена Парижского Азиатского общества. Книги его, вышедшие в свет, открыли для русского читателя неизведанный дотоле мир – мир великой, древней и мудрой китайской цивилизации.

Но, может быть, самая трогательная эпитафия отцу Иакинфу – те восемь китайских иероглифов, что высечены на его могиле в Александро-Невской лавре. Они гласят: «Усердно потрудился, создав исторические труды, обессмертившие его имя».

Читатель! Если после прочтения этой книги у тебя в душе зажёгётся хотя бы искра благодарности к этому удивительному человеку – значит, труд мой, труд смиренный и вторичный, не пропал даром. Ибо я лишь переложил в форму рассказа то, что он, отец Иакинф, совершил делом и засвиде-

тельствовал жизнью.

А закончить сие предисловие хочется словами самого Никиты Яковлевича Бичурина, сказанными им уже на склоне лет, когда он оглядывал пройденный путь:

«Живу я здесь единственно для Отчества».

Он имел в виду тогда Петербург. Но, быть может, в более широком смысле – для всей России, для тех, кто придёт после, кто захочет узнать и понять мир иной, не разрушая его, а дивясь и любя.

С миром и отпускаю тебя, читатель, к чтению.

ИСПОВЕДЬ

Повествование о четырнадцати годах, проведённых в Среднем государстве, составленное по письмам, запискам и достоверным свидетельствам современников

Глава первая,

в которой рассказывается о прибытии в столицу Поднебесной империи и о первом впечатлении от страны, доселе неведомой

Пекин, лето 1808 года от Рождества Христова, месяца июня 8-го дня

Вот уже седмица минула с того дня, как караван наш, после девятимесячного пути через Сибирь, через монгольские степи и пески Гоби, вступил наконец в северные ворота Пекина. И теперь, когда первая суета улеглась, когда разместились мы в подворье нашей Духовной миссии, что в Северном подворье, я могу, улучив свободный час, предаться размышлениям и перенести на бумагу то, что вижу и чувствую.

Господи, благослови перо моё!

Зовут меня, как ведомо читателю, Никитой Яковлевичем Бичуриным, в монашестве – Иакинфом. Тридцати лет от роду, по воле Святейшего Синода и с соизволения государя императора Александра Павловича, поставлен я во главу девятой Российской духовной миссии в Пекине. Дело сие великой важности: не токмо окормлять духовных чад наших, кои здесь пребывают – потомков албазинских казаков, купцов наших, – но и поддерживать сношения с китайским правительством, ибо посольства наши в сию страну, по гордости её правителей, не допускаются. Миссия наша есть окно в Поднебесную, и окно сие надлежит содержать в чистоте.

Должен признаться, что, когда ехал я сюда, наслышан был о Китае всяких небылиц. Иные из европейских писателей, католические патеры особенно, расписывали сию страну как царство мудрецов и философов, другие же, напротив, толко-

вали о дикости и закоснелости. Теперь, когда собственными глазами вижу, понимаю: и те, и другие равно далеки от истины.

Город сей огромен. Не чета нашим столицам – ни Петербургу, ни Москве. Он обнесён высокою стеною, и внутри разделён на два града: Внутренний, где обитают маньчжуры и знать китайская, и Внешний, где торгуют купцы и живёт простой народ. Стены здесь повсюду – стена городская, стена императорского дворца, стены храмов и кумирень. Кажется, что самый воздух здесь пропитан древностью. Всё тут чинно, размеренно, подчинено правилам, коих никто не смеет преступить. И главное правило сие – почтение к старшим и к порядку, от предков заведённому.

На подворье нашем живут шесть человек церковнослужителей, пять студентов, коим велено изучать языки китайский и маньчжурский, да несколько человек прислуги. Есть у нас и небольшая церковь во имя Успения Пресвятой Богородицы, где отправляем мы службы. Албазинцы, потомки тех казаков, что ещё при царе Алексее Михайловиче взяты были в плен и с тех пор здесь осели, – народ набожный. Говорят они по-русски, хотя и с примесью китайских слов, и держатся веры православной крепко. Для них мы здесь – пастыри и отцы родные.

Но не для них одних. Ведено мне также иметь попечение о распространении веры православной среди язычников. Труд сей нелёгок, ибо китайцы, надобно отдать им должное, имеют свою веру, древнюю и укоренённую. Конфуций, коего они почитают как учителя, дал им правила нравственные, которыми они руководствуются твёрже иных христиан. Ламаизм, занесённый из Тибета, тоже имеет здесь многих последователей. Но Господь силён и каменные сердца умягчить. Буду трудиться по мере сил.

Главная же моя забота теперь – язык. Без него мы как слепые и глухие. Уже начал я брать уроки у китайского грамотея, некоего господина Чжана, старца почтенного, из учёных, но обедневших. Плата невелика, а польза, надеюсь, будет немалая. В иероглифах сих, признаюсь, есть своя красота. Они подобны маленьким картинам, в каждой – целый мир. Но сколько же их надобно знать, чтобы постичь книжную премудрость! Говорят, десять тысяч и более. Уму непостижимо.

Однако Господь не оставляет уповающих на Него. Буду учиться.

Глава вторая,

повествующая о том, как начальник миссии постигает ки-

тайскую премудрость и что из того выходит

Осень того же года

Учение идёт, но медленно. Господин Чжан – человек строгий и взыскательный. Ему дико, что взрослый человек, да ещё и «западный варвар» (так они всех нас называют), взялся за иероглифы. Он качает головой, бормочет что-то про «неподобающее возрасту занятие», но уроки даёт исправно. За это ему надобно отдать должное.

Я же, чем более узнаю язык сей, тем более поражаюсь его глубине и – осмелюсь сказать – мудрости, в нём заключённой. Иероглифы сии не просто знаки для звуков, как наши буквы. Они суть понятия. Каждый из них есть образ, запечатлённый в письмени. Когда складываешь их вместе, рождается смысл, иногда неожиданный.

Взял я себе за правило: каждый день выучивать по сто новых знаков. Студенты мои дивятся, говорят: «Батюшка, не надорвётесь ли?» А я смеюсь: «Кто не работает, тот не ест». Приучил себя к труду ещё в семинарии, в Казани. Там тоже было нелегко, а выдюжил. И здесь выдюжу.

Заметил я также, что китайцы, когда видят моё усердие, становятся приветливее. Торговцы на рынке, мимо которого

хожу я к учителю, уже узнают меня, кланяются, улыбаются. Пытаюсь с ними говорить их наречием – сперва коряво, но с каждым днём всё свободнее. Они смеются моим ошибкам, но смеются добродушно, и поправляют. Иной раз купят мне лепёшку или чаю нальют. Чай здесь пьют без сахара, как и я люблю. Видно, привычки у нас сходные.

Отец настоятель не велит мне слишком часто отлучаться в город: неприлично, говорит, архимандриту по базарам шататься. А я думаю иначе: где же ещё узнаешь живую речь, как не на базаре? В книгах она мёртвая, как бабочка под стеклом. А здесь — бьётся, трепещет, живёт.

Спорим мы с ним об этом часто. Он человек старого закала, боится уронить достоинство миссии. Я же полагаю, что достоинство наше не в том, чтобы сидеть за стенами подворья, а в том, чтобы суметь донести слово Божие до этих людей. А как донесёшь, если языка их не разумеешь и обычаев не знаешь?

Господь рассудит, кто прав.

Глава третья,

в коей речь идёт о трудах и днях, о книжном собирательстве и о первом знакомстве с китайской учёностью

1810 год

Два года минуло. Ныне могу сказать без ложной скромности: языка я достиг. Не токмо говорю свободно, но и читаю книги, даже древние, со смыслом. Господин Чжан, мой наставник, ныне глядит на меня с уважением. Он говорит, что из всех «западных варваров», коих он знал (а знал он иезуитов французских, что при дворе служат), я превзошёл всех в понимании письмён.

Особенно полюбились мне книги исторические. У китайцев ведётся обычай: каждый новый царствующий дом повелевает составлять историю предыдущего. Труды сии огромны, много томов содержат. В них – летописи, описания земель, обычаев, деяний государей и полководцев. Для европейца, привыкшего черпать сведения о древних народах из греческих и римских источников, сии книги – сущий клад. Ибо здесь сохранились известия о тех народах, что в древности обитали в Средней Азии, откуда вышли и наши предки, славяне, и многие другие племена.

Сказывают, что в библиотеках пекинских хранятся такие сокровища, о которых в Европе и не ведают. Начал я потихоньку собирать свою библиотеку. Трачу на это всё жалованье, какое получаю. Китайские книготорговцы уже зна-

ют меня в лицо, кланяются низко, предлагают самые редкие издания. Иной раз попадаются книги, напечатанные ещё при прежних династиях, с деревянных досок. Держать такую книгу в руках – словно прикоснуться к вечности.

Студенты мои следуют моему примеру, учатся прилежно. Некоторые уже могут сносно изъясняться по-китайски. Думаю, через год-другой они станут настоящими толмачами. Польза от них для государства будет немалая.

Но не всё так гладко. Синод наш далёк, денег присылают мало, скудно. Живём мы бедно, едим простую пищу, одежду донашиваем. Албазинцы, наши прихожане, сами небогаты, но делятся с нами последним. За это им низкий поклон.

Иногда нападает тоска по родине. Вспомнится Казань, Волга-матушка, семинария наша, где прошла молодость. Вспомнится матушка с батюшкой, которых давно уже нет на этом свете. Помяни их, Господи, во Царствии Твоем! Но тоска проходит быстро, когда садишься за работу. Работа – вот лучшее лекарство от всех печалей.

Глава четвёртая,
в которой повествуется о разном и, между прочим, о китайских нравах и обычаях, а также о том, как русский архимандрит чай пьёт и что из того следует

1812 год

Ныне я уже не тот новичок, что четыре года назад с опаской входил в пекинские ворота. Меня знают многие в городе. Купцы, у которых я покупаю книги, лавочники, у коих беру бумагу и кисти, даже некоторые чиновники невысокого ранга, с коими доводилось иметь дело по хозяйственным нуждам миссии.

Удивительно мне наблюдать сих людей. С одной стороны, они до крайности церемонны. Поклоны, приветствия, бесконечные вопросы о здоровье, о возрасте, о семейном положении – всё это строго расписано, как ноты в церковном обиходе. Иного китайца можно полчаса приветствовать, прежде чем перейти к делу. И если ты пропустишь хоть один положенный вопрос – сочтут невежей.

Но с другой стороны, когда церемонии кончены, они – люди простые и добрые. Любят пошутить, посмеяться, хорошо поесть (еда у них, надо признать, превкусная, хоть и непривычная для нашего брата). Любят детей, почитают стариков, заботятся друг о друге. Многому у них можно поучиться.

Особенно занятен их обычай пить чай. Здесь это целое действие. Воду греют в особых чайничках, заварку кладут в

маленькую пиалу, заливают кипятком, накрывают крышечкой. Пьют маленькими глотками, без сахара, смакуя. Я полюбил этот обычай. Сидишь так, с пиалой в руках, смотришь на сад, если он есть, и думаешь о чём-то хорошем. Или о вечном.

Наши студенты переняли эту привычку. Бывало, в России мы пили чай редко, по праздникам. А здесь – каждый день, по нескольку раз. Говорят, что чай бодрит и проясняет мысли. Может быть. Но мне кажется, что он просто сближает людей. За чаем легче говорить, легче понять друг друга.

Обычаи здешние, как я теперь понимаю, не есть пустое кривлянье. В них – вековая мудрость. Они учат терпению, уважению, вниманию к ближнему. Может быть, нам, русским, тоже не помешало бы кое-что из сего перенять? Но об этом я помалкиваю, ибо многие наши соотечественники, живущие здесь, и слышать о том не хотят. Для них всякий китаец – язычник и варвар, и всё китайское – от лукавого. А я так не думаю. Господь создал все народы, и в каждом есть искра Его света. Надобно только уметь её разглядеть.

Глава пятая,

в коей рассказывается о том, что Россия воюет с Наполеоном, и как весть сия достигла Пекина, и что из того воспо-

следовало

1813 год

Весной сего года дошли до нас наконец вести из Европы. Прибыл купеческий караван из Кяхты, и с ним – письма и газеты. И что же мы узнали? Война! Страшная война с французами. Бонапартий, антихрист, пёс смердящий, собрал всю Европу и пошёл на Москву-матушку.

Читали мы газеты в церкви после службы, и многие плакали. Албазинцы, хоть и родились здесь, а Россию считают родиной. Как же иначе? Вера одна, язык один, корни одни. Молились мы усердно, со слезами, о даровании победы христолюбивому воинству нашему.

А потом пришли новые вести: Москва оставлена! Не передать словами, что творилось с нами. Казалось, солнце померкло. Неужели Господь попустил восторжествовать безбожнику?

Но вера наша крепка. Читали мы молитвы, пели акафисты, и на душе становилось легче. Вспомнил я Суворова, коего отец мой, царство ему небесное, весьма почитал. Суворов говаривал: «Мы – русские, с нами Бог!» С нами Бог, значит, и победа будет.

И точно, через полгода новые вести: француз бежит, Москва освобождена, враг разбит и уничтожен. Радости нашей не было предела. Служили благодарственный молебен, звонили в колокола (колокола у нас хоть и небольшие, а звонкие). Китайцы сбегались смотреть на это диво: русские варвары скачут и кричат что-то радостное.

Спрашивали потом: что случилось? Объясняли мы им: великая победа над супостатом, над завоевателем, над тем, кто хотел весь мир поработить. Китайцы понимающе кивали. У них тоже были завоеватели, тоже войны. Они сказали: «Счастье вашему государю, что народ у него такой». И добавили: «А наш император мудр, что не пускает чужеземцев в свою страну». Тут я подумал: а ведь в чём-то они правы. Не пустили они к себе Бонапартия, и хорошо. А нам, видно, Господь судил эту чашу испить, чтобы очиститься.

Глава шестая,

в коей речь пойдёт о миссионерских трудах и о том, сколь трудно сеять слово Божие на каменистой почве

1815 год

Много раз пытался я заговаривать с китайцами о вере

нашей. И всякий раз наталкивался на стену вежливого, но непроницаемого непонимания. Они слушают, кивают, соглашаются – и остаются при своём. Ибо у них своя вера, своя философия, и в ней они видят мудрость, достаточную для жизни.

Конфуцианство, которое здесь исповедуют все образованные люди, учит главному: порядку в государстве и в семье, почитанию предков, исполнению долга. Для них это и есть религия. Небеса они почитают как высшую силу, но личного Бога, Творца, им трудно понять. Им легче представить безличный закон, Дао, который всё собой пронизывает.

Буддизм, в его тибетской форме, тоже силен. Ламы в жёлтых и красных одеждах ходят по улицам, собирают подаяние, творят свои обряды. Простой народ их боится и почитает. В их учении тоже есть многое, что христианину может показаться близким: милосердие, отказ от насилия, стремление к чистоте.

И посреди всего этого – мы, горстка православных священников, с нашей проповедью о Христе распятом и воскресшем. Что мы можем? Только примером своей жизни свидетельствовать об истине. Не словами, а делами.

Стараюсь я помогать всем, кто приходит. Китайцы прихо-

дят к нам на подворье с разными нуждами: кто болен – просят лекарства, кто обижен – просят совета, кто просто хочет поговорить. Никому не отказываю. Лечу их настойками, какие знаю из русской травяной премудрости, смешанной с китайской. Советую, как умею. Разговариваю.

Иные креститься просят. Но таких мало. И крещу я только после долгого испытания, после научения. Ибо вера – не игрушка. Приняв её, должно жить по ней.

Отец настоятель (другой уже, прежний умер) ворчит: мало, мол, обращаем. А я отвечаю: Господь не по числу судит, а по сердцу. Может, и один обращённый, но искренний, дороже тысячи, пришедших из корысти или страха.

Продолжаю переводить на китайский наши богослужебные книги. Работа медленная, тяжёлая. Как передать понятия «Троица», «воплощение», «искупление» на языке, где нет таких слов? Приходится изобретать, искать соответствия, объяснять. Иногда кажется, что это почти невозможно. Но потом вспомнишь, что Кирилл и Мефодий тоже начинали сеять в пустыне, и легче становится.

Глава седьмая,

в которой повествуется о собрате во Христе из дальних

стран и о разговоре, многое прояснившем

1816 год

Было у меня недавно знакомство прелюбопытное. Пришёл на подворье человек в чёрной сутане, с крестом на груди, но не нашей веры – католик, латинянин. Отец Жан-Батист, француз, из Общества Иисусова, того самого, что изгнано из Европы, но здесь, в Китае, ещё теплится. Он уже много лет живёт при императорском дворе, обучает маньчжурских князей математике и астрономии.

Разговорились мы с ним. Он по-латыни говорит свободно, я тоже не забыл семинарскую науку. О многом беседовали: о вере, о науке, о Китае.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.